

УДК 39:291:159.922.2

“ГИБРИДНЫЕ” ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

© 2013 г. А.Г. Агабабян¹

Статья раскрывает особенности гибридных форм религиозного сознания населения Западного Кавказа (Краснодарский край, Абхазия) и механизмов их функционирования. Ярким примером проявления подобного сознания являются паломничества представителей различных этноконфессиональных групп к святым местам. Автор, обращаясь к данной проблеме, использует собственный материал, собранный в результате полевой этнографической экспедиции при исследовании абхазского святилища Лдзаа-ныха (с. Лдзава, Гагрский район Абхазии).

Ключевые слова: глобальный гибрид, религиозное сознание, святыя места, идентичность, Лдзаа-ныха.

Многоукладный характер общества в современных условиях отражается в его этническом и культурном многообразии. Одним из показателей этого многообразия в многосоставном обществе выступает религиозное сознание. Религия как часть культуры порождена известной социальной системой и является “слепком” с нее, она отражает все особенности не только чисто знаковых систем, составляющих соответствующую культуру, но и более глубинных – социальных структур, над которыми она надстраивается. Культура по отношению к социальной системе играет ту же роль, что и саморефлексия в жизни отдельной личности, – она обеспечивает культуре создание, поддержание и изменение образа самой себя. С этих позиций религия/религиозное сознание – это ключ к социальной солидарности, а религиозные верования важны не по своему собственному праву, а как символы социальных (этносоциальных) групп. Приверженцы различных конфессий и представители различных этнических групп вырабатывают совершенно новые механизмы функционирования их религиозного сознания в современных условиях.

Не последнюю роль в данном процессе играет политизация религии в обществе, ведущая, в свою очередь, к оттоку людей из традиционных религиозных практик и поиску новых форм религиозного сознания. Неоконфессии во многом ориентированы на современного человека, его интересы, взгляды, сильные и слабые стороны [1, с. 129].

Одной из форм такого религиозного синкретизма являются гибридные формы религиозного сознания (от термина Global Hybrid [2], недавно получившего распространение в западной науке), под которыми понимается сложная, многосоставная система религиозных представлений, выраженных в обращении представителей различных этноконфессиональных групп к тем или иным культовым практикам (как ортодоксальным, так и широко распространенным в народной традиции). Основным способом реализации гибридных форм религиозного сознания, по народным представлениям, служат “святыя места” и всевозможные формы паломничества к этим местам. Это вполне закономерно, поскольку религия конституируется не столько верованиями (хотя они, бесспорно, исключительно важны), сколько ритуалами и другими формами внешнего, наблюдаемого поведения, которое и становится ведущим признаком принадлежности к той или иной социальной группе [3, с. 64]. Особенно хорошо иллюстрирует это положение пример индуизма, в котором знаком принадлежности к индусам служит не то, во что человек верит, а его происхождение и то, как он ведет себя, какие ритуалы выполняет, какое место занимает в обществе. Для индуизма важна не ортодоксия, а ортопраксия – правильное действие, деятельность, соответствующая канонам, а что человек думает о богах, Ведах и устройстве Вселенной, не столь важно. Именно элементы одежды, публичного ритуализированного и специального церемониального поведения при совершении культовых действий, соблюдение обрядов и праздников, элементы сакральной утвари, носимые на теле или хранящиеся в доме, бритье головы, татуировки,

¹ Кубанский государственный университет, 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская; e-mail: arheolog@hist.kubsu.ru

обрезание и др. выступают маркерами в конфессиональном сообществе. При этом необходимо подчеркнуть, что наличие всех этих маркеров вовсе не означает, что данный человек глубоко верующий, просто он подчеркивает свою идентификацию с данной религиозной общиной [4, с. 98].

Таким образом, гибридные формы религиозного сознания могут стать основой межкультурных взаимодействий, ведущих к социальной интеграции многосоставного и многоукладного российского общества.

Рассмотрим гибридные формы религиозного сознания на примере функционирования святых мест Западного Кавказа, а именно комплекса “Святая Ручка” в границах Краснодарского края и святилища Лдзаа-ныха за его пределами в Абхазии.

Остановимся подробнее на описании приведенных мест. Одним из популярных святых мест в Краснодарском крае является комплекс “Святая Ручка”, расположенный в поселке Неберджаевском (Крымский район Краснодарского края). Здесь находится святой источник (название “Святая Ручка” родилось в народе, поскольку камень, по которому стекает вода, очертаниями напоминает женскую руку). В начале XX в. (1914 г.) один из переселенцев-греков строит недалеко от источника каменную часовню в честь Успения Богоматери (“Панагия”) в благодарность за исцеление своей жены. После этого начинаются массовые паломничества как к источнику, так и к часовне. Однако в советские годы в соответствии с религиозной политикой властей часовня была уничтожена, а посещения источника приобрели завуалированный характер. И лишь относительно недавно, в середине 1990-х гг., силами местных жителей (включая и греческую диаспору) была построена часовня Иоанна Крестителя (комплекс вместе с часовней находится под покровительством Свято-Георгиевского прихода РПЦ). Центральным событием в функционировании комплекса становится 28 августа, когда отмечается праздник Успения Пресвятой Богородицы. Несмотря на это источник становится местом паломничества не только для христиан православного толка, зафиксированы посещения святого места понтийскими греками, русскими, армянами (причем представителями католического толка – франгами), грузинами, йезидами. Следовательно, факт наличия “гибридности” здесь представлен достаточно четко.

Второе святое место, Лдзаа-ныха, является одним из почитаемых святилищ Бзыбской Абхазии (Гагрская зона, с. Лидзава), а также входит в число семи абхазских святилищ, которые почитаются во всей Абхазии (по официальной версии, их символизируют семь звезд на национальном флаге). Если говорить о самом названии “Лдзаа-ныха”, то оно

состоит из двух слов: “Лдзаа” (абхазская форма названия деревни Лидзава, согласно народной этимологии, означает “быстрая вода”) [5, с. 92] и “аныха/ныха” (абх. “святилище”) [6, с. 525–527]. Кроме того, в литературе можно встретить упоминание следующих вариаций этого названия: Лзаа-ных, Лдзаа-ныхва, Анана-Лзаа-ныха и Анан-Лдзаа-ных. Два последних названия включают в себя в качестве составного элемента слово “анан/нан”, что в переводе с абхазского означает “мать”. Так, Ш.Д. Инал-Ипа называет эту святыню «лдзаавское “святилище матери”», ссылаясь на то, что некоторые из наиболее почитавшихся абхазами святилищ считались также местопребыванием женских божеств [6, с. 527]. Кроме того, Ш.Д. Инал-Ипа обращает внимание на “сказание о Нартах”, где упоминается село Лдзаа и его жители – лдзаавцы [6, с. 528–529]. Этот отрывок из нартского эпоса о женитьбе нарта Дыда [7, с. 62–66] стал весомым аргументом и для самих жителей Лидзавы, которые подчеркивают при его упоминании факт древности самого села, а значит, и расположенного на его территории святилища.

В ходе полевой этнографической экспедиции* с участием автора настоящей статьи был выявлен ряд проблем, связанных с функционированием гибридных форм религиозного сознания в Лдзаа-ныха.

Одной из центральных проблем в изучении Лдзаа-ныха остается вопрос о месте ее локализации. Это в первую очередь связано с тем, что в течение XX в. Лдзаа-ныха несколько раз меняла свое местоположение. По имеющимся сведениям Ш.Д. Инал-Ипы, “оно находилось в сел. Лдзаа, рядом с Пицундским храмом, в 4 км от моря. Его всегданнее местопребывание – несколько священных дубов, которые исстари были окружены ореолом святости и недоступности... Еще в 1915 году святилище имело в Лдзаа небольшое деревянное помещение. Ключ от него находился у особого жреца” [6, с. 527–528]. Это помещение было небольшой сельской часовней, которую согласно местной традиции называли молельным/жертвенным домом (А.Б. Крылов упоминает другое название, используемое жителями деревни, – башня) [8, с. 270–271]. В советское время, предположительно в конце 1930-х – начале 1940-х гг. XX в., часовня была разрушена, следовательно, на некоторое время прекратилось и проведение ежегодных молитв,

* Полевая этнографическая экспедиция проводилась исследовательской группой КубГУ в течение летнего сезона 2012 г. Под понятием “поле” имеется в виду изучаемая среда, где пребывал автор для сбора информации, используя один из важнейших методов для работы этнолога – включенное наблюдение. Материалы исследований представлены также подробными текстами интервью, которые были взяты у информантов непосредственно в период пребывания в поле.

а на территории, где тогда располагалась Лдзаа-ныха, поселились грузинские (мегрельские) переселенцы. Лишь в 1960-е гг. моление возобновляется, причем проводится оно тайно (но с участием местных властей Лидзавского сельсовета) и в другом месте – в огороде семьи, представитель которой был жрецом святилища в то время. В 1980-е гг. Лдзаа-ныха меняет свою локализацию еще раз, и новым местом для молений становится лес. Ныне же моления проходят в специально обустроенном месте, расположенном между лесом и территорией, где находилась разрушенная часовня. Причем сейчас жители деревни убеждены, что именно этот участок – “исконная” Лдзаа-ныха.

Следующую проблему можно обозначить как проблему жречества. Каждое из семи общеабхазских святилищ имеет своего жреца – исправителя культа, который выступает в роли хранителя данного святого места и знаком с основами местной культовой практики. Именно он проводит все проходящие в святилище моления. На сегодняшний день абхазская традиция говорит о наследственном характере передачи жреческого “титула” (т.е. право жречества закрепляется за определенными абипарами – разветвленными абхазскими линиджами). Жрецами Лидзавского святилища ныне официально признаются представители рода Гочуа. Однако внутри разветвленной абипары Гочуа статус жреца может передаваться не только внутри одной ветви фамилии. Так, после смерти предпоследнего жреца его преемником – нынешним жрецом стал представитель той же фамилии, но относится он к другой ее ветви.

Кроме того, возникают сомнения относительно прерогативы одного рода/фамилии в преемственности жреческого статуса. Несмотря на то, что представители рода Гочуа доказывают свое бесспорное право исполнять жреческие функции, некоторые жители села упоминают о наличии другого жреческого рода, предшествовавшего нынешнему и представленного фамилией Ондраба/Уондырба (вероятнее всего, не абхазского, а садзского происхождения) [5, с. 92], представителей которых в деревне практически не осталось (считается, что большая часть рода пострадала в результате репрессий в советские годы). Следовательно, достаточно сложно говорить и о “древности” жреческой фамилии Гочуа, принимая во внимание отмеченные факты.

Затрагивая эту проблему, не стоит забывать также о роли лидерских отношений внутри изучаемого сообщества. В селе функционирует свой совет старейшин, члены которого пользуются уважением у односельчан: во время ежегодного моления в святилище они занимают отведенное для них место, обладают правом слова, ответственны за опре-

деленные ритуальные действия при проведении различных молений на территории святого места (люди, которые разделяют жертвенное животное и готовят мамалыгу и т.д.). Интересно, что в этой среде наряду с официальным жрецом начинают появляться лица, которые претендуют на роль неформальных лидеров. Например, наряду с нынешним жрецом достаточно часто жители села упоминают и другого человека, который тоже является представителем указанной фамилии, но другой ее ветви. Однако следует обратить внимание на следующий момент: возросшая роль и авторитет этого человека фамилии во многом связаны с его организаторскими функциями – в 1992/1993 гг., будучи главой Лидзавской администрации, именно он взял на себя ответственность за обустройство нового “исконного” места Лдзаа-ныха. Таким образом, мы снова сталкиваемся с конструируемыми моделями, в данном случае – конструируемой моделью лидерства.

Что касается участия в проведении молений Лдзаа-ныха представителей других этнических групп (армян, русских и т.д.), следует отметить, что их количество не столь велико. Это могут быть всего лишь представители нескольких семей (Варелджян, Жуковы, Пузаченко). Запретов посещать Лдзаа-ныха представителями других национальностей как таковых не имеется. Но очень большую роль играет разделение села на бригады/общества, каждая из которых несет определенную материальную ответственность за приготовления к общесельскому празднику, проводимому на территории святилища. В селе также имеется и армянское общество.

Выделенные проблемы являются достаточно актуальными не только для нашего исследования, они также играют немаловажную роль в контексте этносоциальных процессов Абхазии. Следует заметить, что позиция абхазских властей в религиозном вопросе сводится к концепции единства и мирного сосуществования в стране трех конфессий – христианства, ислама и традиционных абхазских верований. На этой основе в начале августа 2012 г. в официальных абхазских СМИ появились сведения о создании на общегосударственном уровне религиозной организации “Совет жрецов Абхазии”, куда входят все жрецы – хранители общеабхазских святилищ, разработавшие устав организации [9]. Обратим внимание и на тот факт, что в молениях, проводимых в абхазских святилищах, принимали участие первый и второй президенты Абхазии – Вячеслав Ардзинба и Сергей Багапш, так же как и некоторые жрецы святилищ присутствовали при их инаугурации [9].

Подводя итог, необходимо отметить, что действительно существует тенденция постепенного усиления роли гибридных форм религиозного сознания в обществе, при этом они сами есть пример толерантного сосуществования гетероконфессиональных соседских общин. Это актуализирует исследование гибридных форм религиозного сознания как фактора гармонизации этноконфессиональных отношений в современном многосоставном обществе.

Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России”, соглашение № 8871).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Котеленко Д.Г.* Неопротестантские сообщества на Юге России в постсоветский период // Вестник Южного научного центра. 2009. Т. 5. № 3. С. 127–132.
2. *Said E., Derrida J.* Reconstellating Humanism and the Global Hybrid. Cambridge, 2008. 361 p.
3. *Пименов А.В.* Возвращение к дхарме. М., 1998. 415 с.
4. *Иванова С.Ю., Шульга М.М.* “Русская этническая” и “российская” идентичность: соотношение понятий // Вестник Южного научного центра. 2010. Т. 6. № 4. С. 97–104.
5. *Кузнецова Р.Ш., Кузнецов И.В.* Война, мир и общество в абхазской деревне Лидзава // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2006. Т. 1. № 1–3. С. 89–113.
6. *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. 687 с.
7. Приключения нарта Сысыквы и его девяноста девяти братьев. Сухуми, 1988. 260 с.
8. *Крылов А.Б.* Религия и традиции абхазов. М., 2001. 362 с.
9. В Абхазии создана религиозная организация “Совет жрецов Абхазии”. URL: <http://apsnypress.info/news/6898.html> (дата обращения: 03.08.2012).

“HYBRID” FORMS OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF ETHNO-SOCIAL PROCESSES AMONG THE WESTERN CAUCASUS POPULATION

A.G. Agababyan

The article reveals the characteristics of the “hybrid” forms of religious consciousness and their functioning among the population of the Western Caucasus (Krasnodar region and Abkhazia). A striking example of the manifestation of this consciousness is the pilgrimage of various ethnic and religious groups to so-called “holy places”. The author, referring to the problem, using its own material collected from the fieldwork in Abkhazia (Lidzava, Gagra district of Abkhazia).

Key words: Global Hybrid, religious consciousness, sacred sites, identity, Ldzaa-nykha.